

Суй Фэн с недоумением произнёс: «Ещё с тех пор, как я служу господину Цзюцзюню, слышал, будто есть такие люди, которые, выпив, обязательно начинают говорить правду. Неужели... господин Цзыжань — один из них?» На его лице отразился ужас: «Какая жалость! Вчера вечером господин Цзюцзюнь разгневался и устроил ночной допрос госпоже Суй, иначе я бы наверняка подошёл послушать, какую же правду изрёк господин Цзыжань в пьяном виде».

Чай Цзыжань широко раскрыл глаза. На душе у него отлегло: значит, Суй Фэн ничего не слышал из его пьяного бреда; но тут же схватила тревога: прошлой ночью Мо Цзюцзюнь допрашивал госпожу Суй. Судя по его нраву, попирающему человеческие жизни, неужто из-за того, что они вчера повздорились, Мо Цзюцзюнь решил свести счёты с госпожой Суй? Чай Цзыжань резко спрыгнул с кровати и, пошатываясь, бросился к двери.

Суй Фэн преградил ему путь, предупредив: «Господин Цзюцзюнь сейчас в гневе. Если господин Цзыжань явитесь просить за госпожу Суй в таком виде, возможно, результат окажется противоположным желаемому».

Чай Цзыжань замер на месте, затем повалился на ложе и уставился на того умоляющим взглядом: «Как же мне быть, по-твоему?»

На лице Суй Фэна проступили сладкие ямочки: «Соблазни его!»

Чай Цзыжань: «...»

Суй Фэн добавил: «Господину Цзюцзюню нравятся мужчины!»

Чай Цзыжань: «...»

Весеннее солнце ласково грело, тёплый ветерок обдувал, а холодный пот струился по спине. Чай Цзыжань, кутаясь в большое синее одеяло, крадучись вышел из своих покоев. У входа его окликнула знакомая особа: «Господин Цзыжань, когда вы вернулись? Почему не зайдёте в «Терем Хуахуа» навестить свою рабу?»

Чай Цзыжань, поправив одеяло, обернулся и увидел Чжан Хуахуа, одетую в лёгкое весеннее платье. Он усмехнулся: «Исправился я, исправился».

Чжан Хуахуа фыркнула, игриво закатив глаза; на её соблазнительном личике отразилось презрение: «Боюсь, господин Цзыжань приметил эту стерву Чжу Чжу из мясной лавки, вот и не обращает на меня внимания. Эта дрянь строит из себя недотрогу, лицемерит — не пойму, что вы, мужчины, в таких находите».

Чай Цзыжань, плотнее укутавшись в одеяло, дабы Чжан Хуахуа не увидела его «весенних прелестей» под тканью, ответил: «Недосягаемое всегда кажется лучшим. Вот как ты — тебя уже заполучила добрая половина уезда, потому и ничего в тебе особенного не осталось».

Чжан Хуахуа, лукаво улыбаясь, подмигнула: «Господин Цзыжань шутит. Ведь вы-то меня не заполучили, правда?» Заметив, что Чай Цзыжань собрался бежать, она потянула за его синее одеяло. Не успела она его стянуть, как Чай Цзыжань, в ужасе, завертелся на месте, ещё плотнее закутавшись, и, высунув голову из-под одеяла, испуганно уставился на неё: «Не подходи ко мне! У меня заразная болезнь!»

«А-ах!» — Чжан Хуахуа, побледнев от страха, засеменила назад, отступив прямо на порог дома Чай Цзыжаня. В испуге она отпрыгнула ещё на несколько шагов, выдержав расстояние в пять шагов, и, топнув ножкой, сказала: «Господин Цзыжань, какой же вы плохой! Если у вас

заразная болезнь, так не выходите же из дома, а то заразите свою рабу — что тогда делать?»

Чай Цзыжань усмехнулся: «Я вышел как раз потому, что знал: ты ищешь меня. Взгляни на меня...» Он завертелся в одеяле: «Всё это я терплю ради тебя, а то ты думаешь, мне нравится изжариваться заживо?» Он весь дрожал: «Говори быстрее, что тебе нужно! Я уже чуть не помер от жары».

На лице Чжан Хуахуа отразилась сердечная боль, она надула губки и отступила ещё на шаг: «Раба хотела пригласить господина Цзыжаня в гости — песенки послушать бесплатно, а за ручку потрогать — одну лян. Но... в вашем нынешнем виде...»

Чай Цзыжань, подпрыгивая в одеяле, отскочил на несколько шагов и закончил за неё: «Сейчас неудобно. Когда болезнь пройдёт, обязательно приду песенки послушать».

Чжан Хуахуа застыла. Видя, как Чай Цзыжань пользуется ситуацией, она рассердилась, но сегодня ругать его было не к месту, потому лишь сказала: «Тогда обязательно приведите с собой уездного начальника. Моя бабушка говорит, красив он, словно цветок».

Чай Цзыжань нахмурился, выдавив улыбку: «А ты не заметила, что и я красив, словно цветок?»

Чжан Хуахуа прямо покачала головой: «Не заметила».

«...» — Чай Цзыжань бросил: «Я пошёл». И, кутаясь в одеяло, пустился бежать, а холодный пот пропитал синюю ткань. Чжан Хуахуа крикнула ему вслед: «Эй-эй! С заразной болезнью не бегают!» Заметив его босые ноги, добавила: «Если уж бежите, так хоть обуйтесь!»

Чай Цзыжань, кутаясь в одеяло, нёсся по улице, не обращая внимания на указывающие на него пальцы прохожих. Не то чтобы его мастерство самосовершенствования достигло непостижимых высот, — просто он был искренне взбешён Чжан Хуахуа и её бабушкой. Этот Мо Цзюцзюнь, с его медвежьей спиной и свирепой физиономией, — и вдруг похож на цветок! Если это ещё куда ни шло, то он, Чай Цзыжань, со своим стройным станом, белой кожей и лицом, прекрасным, как звёзды и луна, — не похож на цветок!

Возмутительно до крайности!

Чай Цзыжань бежал по улице, и, хоть он и не собирался, но как-то так вышло, что свернул и примчал напрямик к управе. Не иначе, сама судьба. Изначально он не планировал идти этой дорогой, но цель была та же. Перед входом в управу висел огромный, заново заменённый барабан, сиявший, словно лунный диск, совершенно новым блеском.

Если бы не то, что Чай Цзыжаню приходилось обеими руками удерживать на себе большое синее одеяло, он бы непременно хорошенько по нему ударил, дабы Мо Цзюцзюнь послал за Чжан Хуахуа и её бабушкой и заставил их воочию убедиться, кто же больше похож на цветок.

Выдержав паузу, Чай Цзыжань в конце концов тяжело вздохнул, решив сохранить своё воспитание и благородство и не опускаться до споров с невежественными бабами.

Стражи у входа в управу, увидев, что господин Цзыжань, их советник, сегодня странно одет и ведёт себя ещё страннее — уставился на большой барабан, словно на свою невесту, — не смогли сдержать любопытства. Медленно подошли и спросили: «Господин советник, вам...» Окинув его взглядом с ног до головы, выбрали для разговора тему, не слишком ни близкую, ни далёкую: «Не жарко ли?»

Чай Цзыжань, словно встретив грозного врага, плотнее закутался в синее одеяло. Весь в поту, с подозрением спросил: «Ты что задумал?» У Мо Цзюцзюня все подчинённые были зоркими. Неужели этот проник в его грязные мысли? С такой мыслью он отступил ещё на несколько шагов и, стараясь выглядеть спокойным, спросил: «А где твой господин Цзюцзюнь?»

Страж почтительно жестом пригласил войти, улыбаясь: «В управе».

Чай Цзыжань, чувствуя за собой вину, специально обогнул грузную фигуру стража и быстро юркнул внутрь.

Страж, наблюдая, как советник Цзыжань удирает с быстротой отборного здоровенного чёрного пса из военного лагеря, невольно потрогал свою густую бороду и внутренне нахмурился: «Надо бы побриться, а то ещё напугаю любимчика господина Цзюцзюня».

Чай Цзыжань, хотя никогда прежде не бывал в задних покоях управы, знал, что там проживает уездный начальник. Он миновал главную дорогу, выложенную белым нефритом и утопающую в цветах, прошёл по роскошным коридорам, украшенным самоцветами и устланным красными коврами, миновал большие и малые строения, окружённые стеклянными фонарями. Заметив, что стены каждой обычной комнаты покрыты слоем белоснежной штукатурки, а кровельная черепица заменена на позолоченную белую, не удержался и пробормотал: «Расточитель». Он направился напрямик к самому роскошному, высокому и лучше всего охраняемому двору.

У входа во двор красовались два серебряных светильника в форме собак невиданной красоты. Глаза собак, переливающиеся ослепительным блеском, были инкрустированы жемчужинами размером с кулак. Серебряные и золотые нити, из которых были сделаны белые собаки, под лучами солнца испускали одно за другим сияющие гало. У Чай Цзыжаня вдруг возникло непреодолимое желание выковырять этим собакам глазницы и, сунув в карман, унести домой.

Из двора с каменным лицом вышел Суй Инь, почтительно склонил голову и жестом пригласил войти: «Господин Цзыжань, прошу».

Чай Цзыжань, поправив на себе синее одеяло, с серьёзным видом сказал: «Благодарю». И мелкими шажками вбежал во двор.

Как только Чай Цзыжань вошёл в дом, рядом с Суй Инем появился Суй Фэн. Обняв того за плечи, он смеялся до слёз, задыхаясь: «Ха-ха-ха-ха, господин Цзыжань такой забавный! Я следовал за ним всю дорогу и всё хохотал. Никогда не видел такого потешного человека, ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!»

На ледяном лице Суй Иня появилась трещинка: «Если ты будешь так над ним издеваться, господин, пожалуй, разгневется».

Суй Фэн не придал значения: «Как может быть! Если любимец господина будет лежать голый на его кровати, разве он...» Чем больше Суй Фэн думал, тем неувереннее становился его голос, лицо налилось румянцем: «...пойдёт принимать ванну!»

Суй Инь тихо вздохнул.